

Елена Георгиевна Пономарёва –

доктор политических наук, профессор
МГИМО (У) МИД России

Будущее суверенитета: научный дискурс и политическая практика

*Ногами человек должен вращать
в землю своей родины,
но глазами обозревать весь мир.*

Джордж Сантаяна

*По мере того как все больше
народов получает свободу,
на душу населения ее становится
все меньше и меньше.*

Доминик Опольский

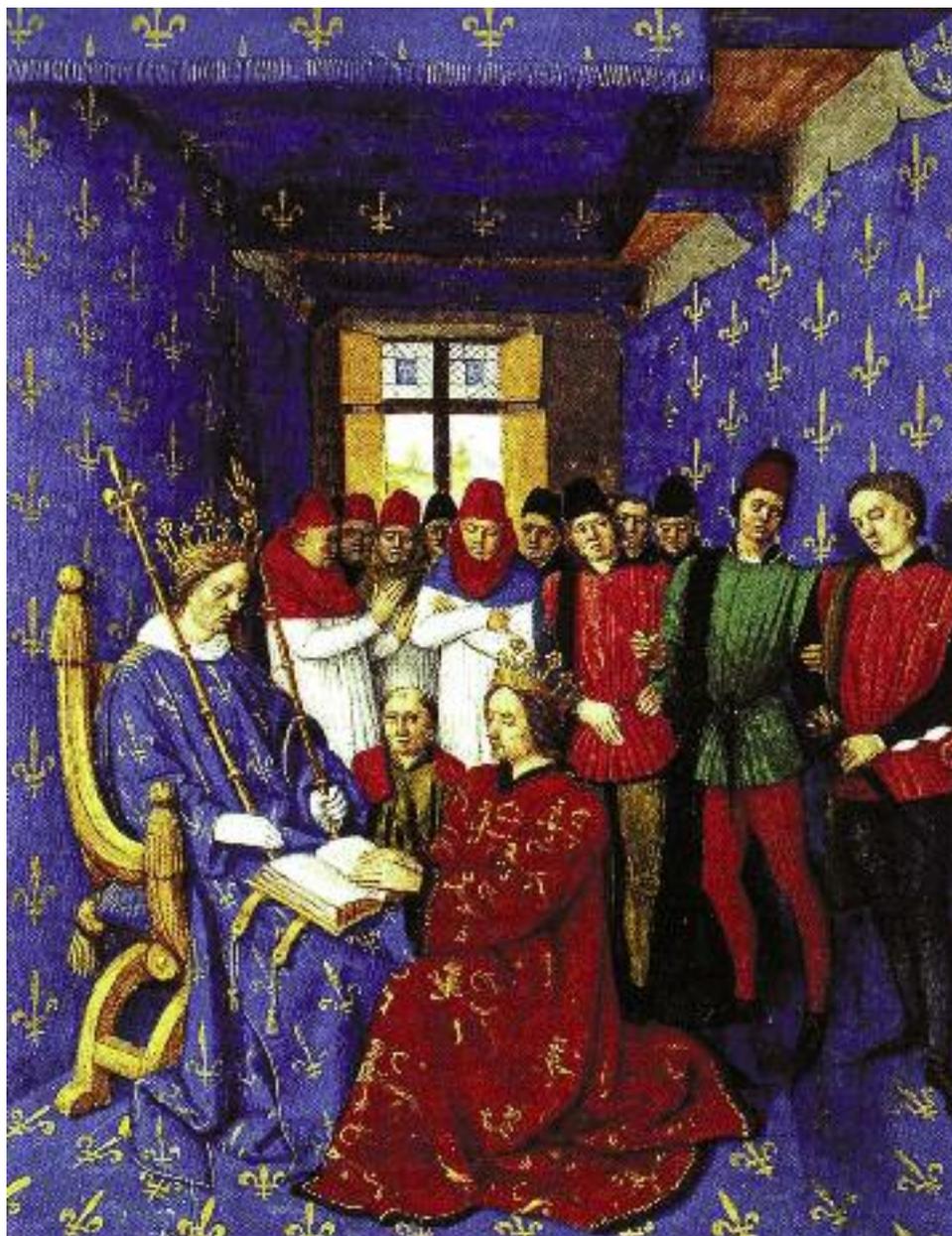
*Колонии не перестают быть
колониями лишь потому,
что они получили независимость.*

Бенджамин Дизраэли

Будущее завораживает, манит и пугает одновременно. Думая о будущем, мы можем испытывать тревожные, порождаемые объективной реальностью и даже коллаптические чувства, активно внедряемые в сознание голливудскими фильмами-катастрофами и литературными антиутопиями. В то же время мы можем ощущать невероятную радость от неизвестного — радость, основанную на знаниях и научно-технических достижениях нашей цивилизации, на вере в победу разума чело-

века над тьмой его же животных инстинктов, на надежде, как писал Иван Ефремов, установления на нашей планете Эры Встретившихся Рук. При этом размышления о будущем — вовсе не праздное занятие: будущее непосредственно касается каждого из нас. Как верно заметил изобретатель и вице-президент компании «Дженерал Моторс» Чарльз Кеттеринг: «Я интересуюсь будущим, потому что собираюсь провести там оставшуюся часть жизни». Рассуждая о будущем мировой политики, следует помнить, что в условиях

высокотехнологического общества оно все более приобретает проектный характер. Справедливость слов физика Дениса Габора — «будущее нельзя предвидеть, но его можно изобрести» — доказана волнами демократизации, трансформациями политических систем, разного рода «цветными революциями», перекраиванием политической карты мира и запуском самого масштабного проекта современности под названием «глобализация». Поистине миром правят идеи — наука служит основанием практической политики. Итак, будущее можно изобретать. Причем занимаются этим далеко не ученые-одиночки, а многочисленные научно-исследовательские институты, аналитические центры, разведывательные, военные и политические структуры. Подавляющее большинство сценариев развития стран и народов, в последнее двадцатилетие активно реализуемых — достаточно вспомнить разрушение СССР и социалистической Югославии, серию политических переворотов, прокатившихся по постсоветскому пространству, Северной Африке и Ближнему Востоку, приведших к дестабилизации Украину, — разрабатывается в западных «фабриках мысли», или Think Tank'ax. Среди самых влиятельных американских исследовательских структур, занимающихся проектированием будущего, Корпорация РЭНД, Институт Санта-Фе, Дом Свободы, Национальный фонд поддержки демократии, Фонды Форда и Макартуров, Центр СМИ и публичной политики Школы государственного управления имени Кеннеди при Гарвардском университете, Беркмановский центр «Интернет и общество» при Гарвардской школе права, Оксфордский институт Интернета, Школы права Колумбийского и Йель-

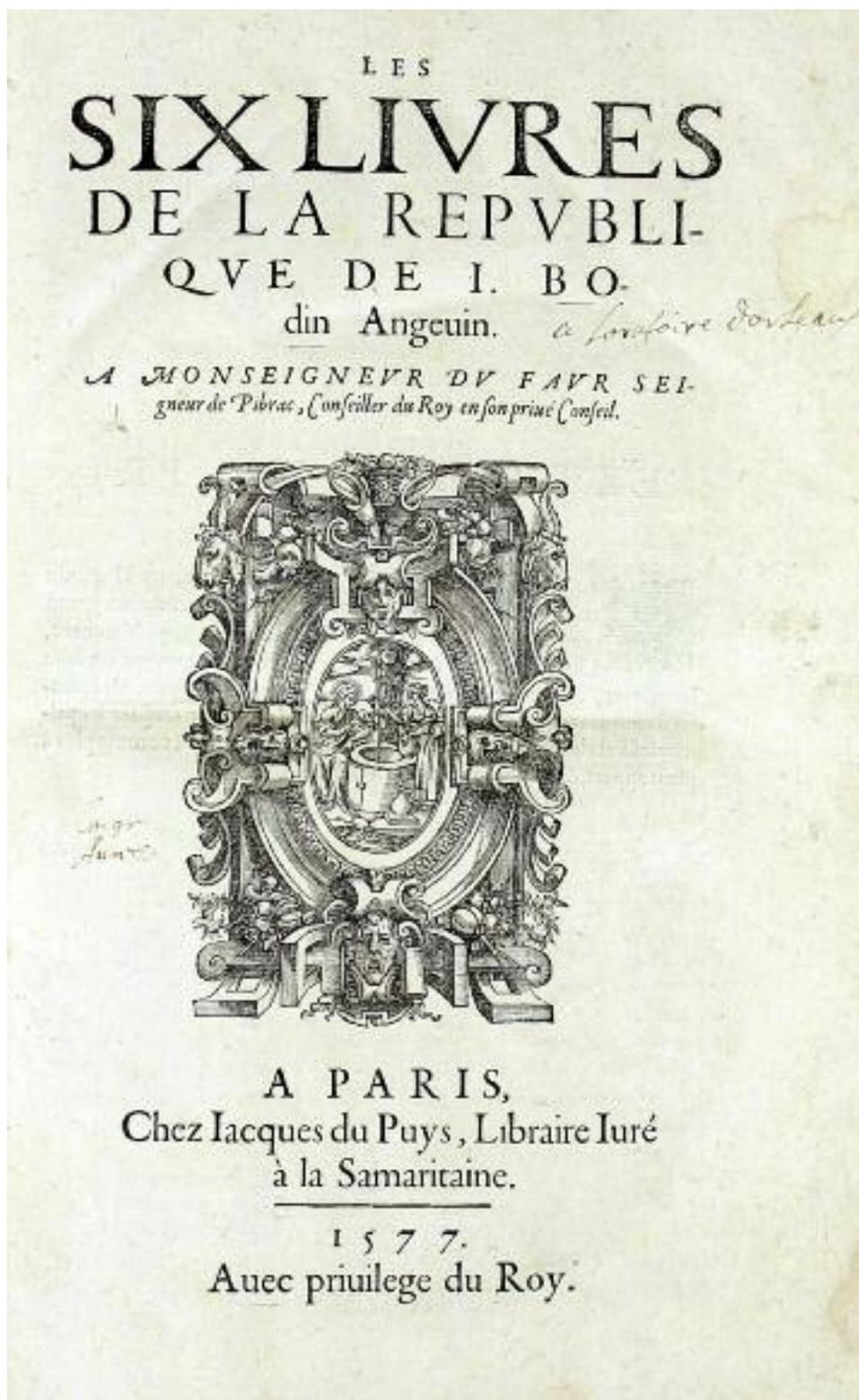
Жан Фуке. Оммаж Эдуарда I Филиппу IV Красивому. Большие французские хроники. Между 1450–1460 годами

Нивелирование истинного, исторического смысла суверенитета дает основание сначала на концептуальном уровне, а затем и в политической практике пересмотреть роль и влияние государства как важнейшего института, в основе которого лежат принципы превосходства и господства (от старофранцузского *soverain*).

ского университетов. Подобные структуры активно развиваются также в Японии, Китае и Индии. В России пока нет аналогичных мировых брендов, а значит, нам есть над чем работать.

Какие сценарии пишутся и какие проекты могут быть апробированы в современном мире — вопросы, как бы сказал классик, архиважные. От ответа на них во многом зависит не только сохранение России как

целостного государственного организма, но и продолжение самой истории, мира в целом. Одним из главных пунктов сценарного подхода является будущее суверенитета. Его размывание, мутация, стирание определяют многие проблемные зоны современности, формируют на месте некогда жизнеспособных политических образований зоны хаоса, причем не всегда управляемого. Не претендуя на исчер-

Исключительное государственное господство как характеристику суверенитета впервые выделил Жан Боден. С его учения о государстве, впервые изложенного в «Метод легкого изучения истории» (1566 год) и развитого в «Шести книгах о государстве» (1576 год, титульный лист – на иллюстрации), суверенитет понимается как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство власти.

пывающий ответ, попытается понять, с чем это связано и каковы перспективы исключительных прерогатив – суверенных прав – современного государства. В условиях возрастающей турбулентности мировой системы для защита национальных интересов нашей страны недостаточно, используем афоризм Джорджа Сантаяны, вращая ногами «в землю своей родины» – необходимо «обозревать весь мир». Иными словами – знать планы наших конкурентов.

Эволюция понятия: суверенитет в истории и современности

Особое внимание к понятию «суверенитет» связано с пересмотром места и значения государства в современной мировой политике. Одним из итогов глобализации стало увеличение в системе международных отношений роли негосударственных транснациональных субъектов и наднациональных структур, что естественным образом приводит к ослаблению позиций государства. Этот процесс в свою очередь невозможен без нивелирования и перераспределения его суверенных прав. Чем же так страшны и опасны для сторонников мондиализма суверенные прерогативы государства?

Дело в том, что суверенитет – это одно из ключевых понятий истории, политики и права христианской цивилизации, получившее окончательное оформление в эпоху Модерна. Как отмечает Глеб Мусихин, в настоящий момент «понятия государства и суверенитета настолько тесно переплетены, что сложно рассматривать суверенитет вне концепции государственности и исторических форм господства». Отдельную проблему представляет переплетение истории идеи и самого понятия «суве-

ренитет». Нивелирование истинного, исторического смысла суверенитета дает основание сначала на концептуальном уровне, а затем и в политической практике пересмотреть роль и влияние государства как важнейшего института, в основе которого лежат принципы превосходства и господства (от старофранцузского *sovereign*). Например, Филипп де Бонамуар в конце XIII века назвал в своих письмах короля сувереном, потому что его положение в королевстве было главенствующим — а значит, суверенным. Правда, в средневековых политах суверенами считались не только короли, но все обладавшие господством в некоей иерархии. Такими являлись, например, князья на своих землях, римский папа, архиепископы. Поэтому в Средневековье понятие суверенитета не обладало эксклюзивностью. Вплоть до XVI века суверенитет оставался, по выражению Гельмута Уолтера, «вторичным контекстуально зависимым вспомогательным предикатом», не имеющим какого-либо политического смысла.

Исключительное государственное господство как характеристику суверенитета впервые выделил Жан Боден. С его учения о государстве, впервые изложенного в «Метод легкого изучения истории» (1566 год) и развитого в «Шести книгах о государстве» (1576 год), суверенитет понимается как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство власти. В свою очередь суверенное государство в классической модернистской трактовке — это государство, реализующее право на независимость, управление, принятие решений, свободное в осуществлении функций верховной власти от внешнего воздействия. То есть государственная — а значит, суверенная — власть есть выс-

шая власть на конкретном политическом пространстве, власть, обладающая исключительными прерогативами — начиная от установления правовых рамок на определенной территории и заканчивая контролем над принуждающим насильем во внутренней и внешней политике. Причем над этой властью не может быть никакой иной формы господства, «имеющей правомерное полномочие давать ей повеления или препятствовать осуществлению ее воли» (Фридрих Брокгауз и Илья Ефрон).

Однако обладание суверенитетом не означает неограниченной свободы верховной власти на своей территории. Суверенитет — это объект необходимых и неизбежных компромиссов и ограничений, как внутренних, порожденных потребностью согласования прав различных общественных сил — государства и общества, правительства и граждан, — так и внешних — в силу взаимодействия и столкновения государственных суверенитетов равного (пусть даже формально) достоинства, а также в силу влияния негосударственных и надгосударственных институций.

Сегодня очевидно, что понимание суверенитета как абсолютной власти государства, данное в трудах Никколо Макиавелли, Жана Бодена, Томаса Гоббса, было характерно для эпохи формирования национальных государств, когда шел процесс физического закрепления контроля правителей над определенной территорией. Тогда имело место отождествление власти правителя и власти государства. В то же время, как писал Боден, «абсолютное могущество дается одному или нескольким [людям] на некоторое время, по истечении которого они станут только подданными». И хотя сама идея народного су-

веренитета восходит к античной традиции демократии, понятие народа как главного носителя суверенитета становится определяющим лишь в XX веке, что находит свое выражение в праве наций на самоопределение. В конституциях современных республик, как правило, содержится указание на то, что «носителем суверенитета и единственным источником власти» является народ, который «осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления» (Конституция РФ, ст. 3).

Что же касается международного признания исключительных прав государства, то впервые их закрепил Вестфальский мир 1648 года. Этот принцип пространственной организации суверенных обществ как отдельных независимых территориальных единиц Европы эпохи Модерна пережил несколько веков. Несмотря на всевозможные трансформации, конфликты и войны, суверенитет государства (в его внутреннем и внешнем измерениях, а именно, в поддержании баланса сил) оставался до конца XX века основным условием, императивом сохранения мирового порядка. В то же время уже с конца 1940-х годов суверенитет постепенно стал утрачивать свою политическую сущность, а к концу века превратился прежде всего в синоним территориального (не сущностного) государства вне зависимости от степени его реальной автономии.

Дело в том, что в Уставе ООН и других международных документах были закреплены противоречащие друг другу принципы. С одной стороны, провозглашался «принцип равноправия и самоопределения народов» (Устав ООН, ст. 1). С другой стороны, утверждалось, что ООН «основалась

на принципе суверенного равенства всех ее членов», то есть государств (Устав ООН, ст. 2). В свою очередь в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, подписанных всеми странами-членами ООН, закреплено, что «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Более того, в первых статьях этих документов зафиксировано, что все участвующие в пактах государства «должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

Не будет лишним напомнить содержание еще одного документа. В Декларации о принципах международного права, принятой 24 октября 1970 года, говорится, что согласно принципу равноправия и самоопределения народов, закрепленному в Уставе ООН, «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». Но самое главное заключается в следующем положении документа: способами осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса». Таким образом, международные документы не только зафиксировали про-

блему соотношения суверенитета народа и суверенитета государства, но заложили правовую основу реформирования государственных образований. Соответственно, воссоединение Крыма с Россией никоим образом не противоречит контексту существующих международно-правовых норм. Не говоря уже о совершенно исключительных исторических факторах, определяющих особое положение Крыма и Севастополя.

Суверенитет «факта» и суверенитет «признания»: возможна ли иерархия?

Современное понимание политического суверенитета будет неполным, если не указать на необходимое соединение таких его проявлений, как «факт» и «признание».

Говорить о суверенитете «факта» возможно, когда реальное государственное властвование означает контроль и развитие конкретной территории и народа. Это характеристика внутренней силы государства, что в политической науке принято определять через понятие «состоятельность», «состояние». Когда же власть (государства или народа) признается со стороны институтов, на которые она не распространяется, когда она создается как власть формально самостоятельная по отношению к этим институтам, имеющая свои «неотъемлемые права», то это суверенитет «признания». В исторической практике, где политическая власть создается, подвергается переделам, защищается и уничтожается, те или иные проявления суверенности могут как дополнять друг друга, так и преобладать одно над другим. Например, современная Россия соединяет в себе суверенитет «факта» и «признания», в то время

как современный Ирак, Ливия, Косово и вообще подавляющее большинство стран мира формируют лишь фрейм «признания» — и то весьма специфического, формального. Дело в том, что реальное смысловое приращение, которое несет в себе понятие суверенитета в сравнении с базисным понятием власти, состоит в том, что суверенитет, как писал Вадим Цымбурский, «представляет власть на фоне мира, ею не охваченного». Это и есть внешний аспект суверенитета — аспект признания. Однако как показывает политическая практика, власть большинства государств не охватывает даже территории собственной страны. Тем не менее факт несuverенности власти на своей территории вовсе не является препятствием для международного признания страны. Так, в соответствии с Уставом, вопрос о вступлении в ООН решают государства-члены. Страна может стать субъектом ООН, если получает рекомендацию 9 из 15 членом Совета Безопасности и если при этом ни один из постоянных членом Совета Безопасности не высказался против. Затем это решение должно быть одобрено двумя третями членом Генеральной Ассамблеи. Такой подход не только рождает серьезную критику, но имеет альтернативную международную модель признания.

В частности, в статье 3 принятой в 1933 году Конвенции Монтевидео утверждается противоположный ооновскому принцип: «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами». Кроме того, этот документ закрепил четыре базовых принципа государства как субъекта международного права. Это наличие:

- ◆ постоянного населения;
- ◆ определенной территории;

Герард Терборх. Вестфальский мир в Мюнстере. 1648 год

- ◆ собственного правительства;
- ◆ способности к установлению отношений с другими государствами.

Конечно, самым главным возмущением против такой процедуры признания является как дата подписания Конвенции Монтевидео — после 1933 года мир кардинально изменился, — так и представительство стран, подписавших этот документ — он был принят по итогам VII Панамериканской конференции. Однако сам подход к такому признанию имеет все больше сторонников, что серьезным образом актуализирует данную тему. Существующая сегодня процедура признания, как и сама природа государств, формирует в научном сообществе концепции разных «рангов» суве-

ренитета — в зависимости от объема «неотъемлемых прав», осуществляемых сувереном и признаваемых за ним со стороны внешнего сообщества. Отталкиваясь от этого положения, ученые определяют специфику и масштабы суверенитетов.

Суверенитет конкретного государства, с одной стороны, «умножается» внутри себя за счет целого ряда характеристик: размерности, границ, конституций, принципов легитимации и многих других институтов, норм, конструктов. С другой — «размывается»

за счет передачи части классических прерогатив государств, во-первых, наднациональным структурам, частью, строительным материалом которых они становятся. (Ярче всего это проявляется в процессе создания и расширения Европейского союза и НАТО. Кстати, по поводу Евросоюза уместно напомнить слова Маргарет Тэтчер, которая прекрасно понимала, что сама идея объединенной Европы «строится на подавлении, или, как это подносят его горячие сторонники, на замещении концепции национальной са-

Исключительные права государства впервые закрепил Вестфальский мир 1648 года. Этот принцип пространственной организации суверенных сообществ как отдельных независимых территориальных единиц Европы эпохи Модерна пережил несколько веков.

мобытности»). Во-вторых, наступление на государственный суверенитет идет по линии ТНК. По этому поводу Ульрих Бек с присущим ему сарказмом писал: «Что хорошо для “Дойче-банка”, давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства». Весьма симптоматичным представляется и появление в начале XXI века в американском политическом дискурсе термина «надкушенный суверенитет», обозначающего давление на национальное государство как извне — со стороны Евросоюза, НАТО, ТНК, — так и изнутри. Относительно внутренних «возмутителей суверенитета» можно согласиться с классификацией Иво Духачека, который выделяет четыре группы — это регионы, группы интересов, мигранты и оппозиционные силы. Они разными способами оказывают давление на верховную власть. Однако самым действенным по степени разрушения государственности изнутри оказываются регионы. Ярким тому примером может служить регионализация Европейского союза, где еврорегионы размывают такие признаки суверенного государства, как государственная граница и политическая иерархия. В то же время не стоит забывать, что «превращения» суверенитета зависят от суверенов, носителей власти в конкретное историческое время, формируя матрешечную структуру суверенности, выявляя ее многоплановость. Вслед за Вадимом Цымбурским к «истинным суверенам» отнесем:

- ◆ народ в смысле общности граждан («народ-1»);
- ◆ государство, которое еще иногда называют нацией, имея

в виду единство населения и территории страны с институтами власти («нация-1», в том числе в названии ООН);

◆ нацию, понимаемую как этнос, помогающий своей государственности или реализующий ее («нация-2», иногда ее зовут и «народом», что можно представить как «народ-2»). Отталкиваясь от этой концепции, в процессе формирования и развития суверенитета так называемых новых независимых государств (ННГ), которые возникли на постсоветском и постъюгославском пространствах, можно выделить две неравнозначные фазы. Первая фаза связана с реализацией «нацией-2» в начале 1990-х годов права на самоопределение. Вторая фаза есть длящийся процесс защиты «народом-1» и «нацией-1» себя от внешних угроз и внутренних мятежей, грозящих превращением ННГ в пространство гоббсовской «войны всех против всех». Достаточно вспомнить Украину, где так и не состоялось единство населения и институтов власти. Именно в этой фазе происходит усиление давления на «нацию-1» (суверенное государство) со стороны геополитических гигантов — западных плутократий и созданных ими наднациональных институтов и ТНК, которые заинтересованы в установлении в системе международных отношений доминирования суверенитета «признания», а не «факта». Это стремление мировых лидеров обусловлено как коммерческими, так и геополитическими интересами: приоритет «признания» дает возможность «хозяевам истории» (Бенджамин Дизраэли) не только перераспределять и приватизировать собственности целых стран, но и решать за них руками компрадорской буржуазии политическое будущее народов. Нежелание политического руководства тако-

го государства сохранить власть «факта» и стремление иметь лишь суверенитет «признания» порождает разные формы и способы давления западных структур, в ряду которых санкции, информационные войны, прямое военное вмешательство.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях глобализации признание государства международным сообществом практически не зависит от его внутренней состоятельности — мощи, — что, по нашему мнению, нивелирует само понятие суверенитета. В то время как суверенитет «факта», позволяющий государству состояться и быть независимым в полном смысле этого слова, зависит от ряда макроиндикаторов. К таковым относятся:

- ◆ обобщающий экономический индикатор — ВВП;
- ◆ относительный показатель уровня жизни — ВВП на душу населения;
- ◆ динамика развития экономики — темпы роста ВВП;
- ◆ продолжительность жизни населения — отражает ряд показателей (уровень жизни, здравоохранение, детская смертность, качество жизни и т.д.);
- ◆ военные расходы — демонстрируют степень вовлеченности в борьбу за геостратегическое господство;
- ◆ внешняя торговля и внешняя задолженность — показывают степень вовлеченности в геоэкономическое пространство (мировую экономику). Незначительная мощь большинства современных государств и даже ее отсутствие в значительной степени определяют проблемность суверенитета «факта», состоятельности государства, что, однако, не препятствует формированию суверенитета «признания», в результате чего государство существует лишь формально, на бумаге. Что же касается ННГ, то фактически

они становятся строительным материалом для неоимперий и наднациональных структур. В настоящее время происходит актуализация именно суверенитета «признания». В результате для подавляющего большинства современных государств суверенитет превратился в характеристику системы сосуществования. Эта характеристика предполагает и даже требует делегирования значительной части классических государственных прерогатив на наднациональный или негосударственный уровни. Применительно к таким политическим образованиям вообще, на наш взгляд, сложно применять понятия государства и суверенитета либо нужно ставить их в кавычки. Еще раз подчеркнем, что полноценный суверенитет означает систему внутривнутриполитических и внешнеполитических возможностей и способностей государства как обеспечивать собственное развитие, так и противостоять любому давлению извне.

Попыткой объяснить неизбежность наличия суверенитетов разного ранга можно считать концепцию Стивена Краснера. Исходя из принципа «делимости» верховенства власти, ученый выделяет международный легальный, вестфальский и внутренний суверенитеты, а также суверенитет взаимозависимости. В результате его научных построений получается, что международный легальный суверенитет выступает взаимным признанием формальной юридической независимости, тогда как вестфальский суверенитет есть «исключение внешних акторов де-юре или де-факто с территории государства», то есть отсутствие альтернативного источника трансляции власти. Внутренний суверенитет — это «легитимность власти внутри политики и предел, до которого эта власть

Попыткой объяснить неизбежность наличия суверенитетов разного ранга можно считать концепцию Стивена Краснера (на фото). Исходя из принципа «делимости» верховенства власти, он выделяет международный легальный, вестфальский и внутренний суверенитеты, а также суверенитет взаимозависимости.

может осуществлять контроль». Суверенитет взаимозависимости означает способность государства контролировать потоки информации, капитала, товаров, идей, людей и прочего через свои границы при взаимодействии с другими государствами в экономической, социальной и политической сферах.

Представляется, что рассмотрение суверенитета как основы для категорического различия между внутривнутриполитической и международной состоятельностью государства является ошибкой: если имеет место суверенитет «факта», то есть государство может обеспечить безопасность и благосостояние своих граждан, то суверенитет «признания» не может изменить внутреннюю природу государственности. Также, как уже отмечалось выше, ошибочно

считать государства равноправными в сфере международных отношений. Равенство государств может быть лишь формальным, юридическим. Фактически они не могут быть равными, что определено мощью государства и суверенитетом «факта». Как известно, «колонии не перестают быть колониями лишь потому, что они получили независимость». Соответственно, если быть честными в научном смысле (понятно, что в политике это нереально), то не может быть суверенитетов разных рангов. Суверенитет либо есть, либо его нет. Рассуждения об ограниченном суверенитете — это рассуждения о его отсутствии. Недаром партия Марин Ле Пен победила на выборах в Европарламент под лозунгом: «Евросоюз должен вернуть то, что у нас было украдено, — вернуть суверени-

Впервые в научный и политический дискурсы само понятие *global governance* было введено во второй половине 1980-х годов Вилли Брандтом (на фото в 1989 году) и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению. Изначально само понятие «глобальное управление» (ГУ) подразумевало совместные усилия по решению проблем бедности, экологии, эпидемий и т.д.

тет. Нужно строить другую Европу — Европу свободных и суверенных государств».

Суверенитет *versus* глобальное управление

Будущее суверенитета во многом определяется процессами глобализации, порожденными интересами крупных мировых игроков. Реализация этих интересов связана с формированием совершенно новой системы транснациональных отношений, где государствам уже не принадлежит центральная роль. Нивелирование сущности государства — а значит, и суверенитета — проявляется в процессе установления новых структур глобального управления.

Необходимо отметить, что впервые в научный и политический дискурсы само понятие

global governance было введено во второй половине 1980-х годов Вилли Брандтом и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению. Изначально само понятие «глобальное управление» (ГУ) подразумевало совместные усилия по решению проблем бедности, экологии, эпидемий и т.д. С конца XX века и прежде всего под влиянием распада блоковой системы международных отношений и окончания холодной войны это понятие приобретает более глубокий смысл и касается практически всех вопросов управления, в которое оказываются включенными не только и даже не столько государства, сколько наднациональные структуры и ТНК.

В известном докладе ООН 1995 года «Наше глобальное соседство» Комиссия по глобальному управлению предложила рассматривать ГУ как «сумму множества путей, которыми индивиды и институты (общественные и частные) управляют общими делами. Это постоянный процесс, посредством которого могут удовлетворяться различные интересы и предприниматься кооперативные действия. Глобальное управление включает в себя формальные институты и режимы, обеспечивающие сотрудничество, а также неформальные соглашения между институтами и людьми, о которых они либо договорились, либо полагают, что такие соглашения будут в их интересах». Как видим, никакого упоминания государства — как центрального института системы

международных отношений — в этом определении нет. Именно тогда был заложен концептуальный фундамент того, что Эрик Хобсбаум назвал супранациональным и инфранациональным обществом, которое знаменует «упадок старых наций-государств в качестве эффективно действующих структур», которые «отстают на второй план перед лицом нового супранационального преобразования мира, сопротивляются ему, поглощаются им или адаптируются к нему». Поэтому неслучайно развитие концепции ГУ происходит параллельно с размыванием в теории и на практике понятия суверенитета как принципиальной основы государства-состояния, государства как самостоятельного и независимого субъекта международных отношений. Подобный тренд, по мнению проводников мондиалистских взглядов, привел к позитивному результату, а именно — к концу «диктатуры» национальных государств и формированию эффективного наднационального управления. Однако такая позиция встречает не только научную критику, но и серьезное сопротивление самих государств, что выражается в чередующихся региональных и глобальных кризисов, в формировании новых интеграционных объединений. В 2003 году Брукингский институт и эксперты Всемирного экономического форума создали специальную комиссию — Инициативу глобального управления, — которая занялась разработкой новых идейных основ формирования принципов наднационального управления. В докладах комиссии были обозначены сферы, которые имеют глобальное значение и не могут быть подконтрольны только государствам. Это экология, урегулирование кон-

фликтов, образование, здравоохранение, защита прав человека, борьба с бедностью. В этих сферах, по мнению авторов докладов, принципы ГУ могут быть осуществлены только с помощью наднациональных институтов контроля за деятельностью государств. И это лишь один из примеров обоснования практики ГУ. Здесь можно вспомнить доклады Римского клуба, Трехсторонней комиссии, различных ооновских и европейских структур. Самым ярким практическим итогом ГУ можно считать Европейский союз, которому, по выражению бывшего президента Хорватии Стипе Месича, страны «по своей доброй воле передали часть своего суверенитета». Однако есть одна неувязочка. Дело в том, что концепция и практика ГУ не исключает наличия государства-гегемона, которое является, согласно Збигневу Бжезинскому, «высшей гарантией глобальной стабильности».

Проекты глобального управления и «размягчения» суверенитета

Как отмечалось выше, проектный характер — важная характеристика новейшей истории. «Размывание» суверенитета, «размягчение» роли и значения государства, а фактически сохранение лишь его оболочки — всё это планируется и осуществляется по самым разным направлениям. Выделим наиболее показательные проекты-сценарии будущего, предлагаемые западными политиками и учеными.

Первый сценарий условно обозначим «Наднациональное управление». Один из активных проводников этой идеи — французский экономист и крупный политический деятель Жак Аттали — утверждает, что ценности рынка и демо-

кратии являются «важнейшим условием гармоничного развития в планетарном масштабе». Он настаивает на необходимости «создания инструментов для реализации принципов глобального суверенитета», среди которых выделяет «парламент, правительство, центральный банк, общую валюту; планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию, общеевропейский минимальный доход и рейтинговые агентства, всеобъемлющий контроль за финансовыми рынками».

Понимая, что процесс глобализации, то есть уничтожения национального суверенитета, будет долгим и сложным, Аттали предлагает пока «ограничиться созданием скромного мирового управления», что потребует принятия решений, кардинальным образом меняющих современные отношения. Среди них: расширение G8 до G24 (что фактически уже произошло), создание на базе G24 и Совета Безопасности ООН Совета управления, осуществляющего законное политическое регулирование. Предполагается подчинение МВФ, Всемирного банка и других международных финансовых институтов этому Совету управления. Аттали также говорит о необходимости реформы (в том числе порядка голосования) всех международных финансовых учреждений. Для реализации этого сценария, по мнению Аттали, необходим политико-организационный механизм, состоящий из пяти элементов.

Первый элемент — новая Организация Объединенных Наций, в которую в качестве индивидуальных членов войдут не все страны. Чтобы стать индивидуальным членом ООН, надо будет иметь определенный размер населения, объем накопленного нацио-

нального богатства и определенную величину национального дохода на человека — то, что в первой части статьи обозначено как «мощь». Получится некая «ООН для избранных». Таких «избранных» должно быть от 30 до 50. Остальные страны могут войти в новую ООН через коллективные организации. Любой коллектив стран, чтобы войти в ООН, должен отвечать тем же критериям, которые нужны и для индивидуального членства.

Второй элемент — мировой парламент с двумя палатами. Одна избирается напрямую голосованием на всей планете. Например, каждый кандидат, набравший миллион голосов, становится депутатом этой палаты. Как это будет осуществлено — вполне понятно: технологии манипулирования сознанием и фальсификации итогов голосования апробированы не единожды. Депутатов другой палаты избирают от индивидуальных и коллективных членов ООН по мажоритарной системе относительного большинства. Третий элемент — мировое правительство. Его формирует ООН по согласованию с мировым парламентом. При нем необходимы и мировые вооруженные силы, и мировая полиция.

Четвертый элемент — это создаваемые новой ООН и независимые от мирового правительства мировое ядерное агентство, мировое ракетное агентство, мировое космическое агентство, мировой банк, мировой суд, мировые научно-исследовательские и экспертные центры, образовательные, культурные и спортивные организации.

Пятый элемент — мировая система независимой информации. Прежде всего — независимые даже от новой ООН телевидение, радиовещание, Интернет.

Второй сценарий ГУ можно назвать «Демократические империи». В этом случае речь идет о прямом демонтаже суверенных государств, так как именно они, по мнению одного из противников государственноцентричного мира — Жозепа Коломера, «парадоксальным образом способны стать угрозой свободе и демократии, поскольку они смогут возродить старые конфликты или создать новые отношения соперничества и вражды». В то время как благополучие народов зависит от «таких обширных демократических империй, как США и ЕС».

Справедливости ради следует отметить, что Коломер выделяет пять современных империй (Америка, Китай, Европа, Япония и Россия). Он также указывает на семь больших объединений, относящихся к имперскому типу. Среди них Индонезия, Индия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш, Австралия и Канада. Эти страны сопоставимы с империями по размерам своих территорий, но не добирают до имперского статуса из-за недостаточного размера населения. Однако будущее для Коломера — за империями демократическими. Существующие тренды мирового развития, по мнению ученого, ведут на первом этапе к увеличению числа демократических «независимых и автономных стран» малых размеров, появляющихся на месте средних государств-состояний, что приводит к постепенному «стиранию» последних с политической карты мира. Второй этап трансформации мировой системы связан с встраиванием новых и старых «демократических» государств в силовое поле демократических империй, а именно — ЕС и США. Коломер фиксирует: «Нынешний мир все больше организуется за счет взаимного наложения обширных пространств

«имперского» размера при одновременном увеличении числа самоуправляющихся малых сообществ». Эксперт выделяет три фундаментальные сети отношений: «Союзы по обеспечению обороны и безопасности, торговые и экономические соглашения и зоны языка и общения».

Этот сценарий, основанный на приоритете демократических (читай — западных) ценностей, представляет собой мину замедленного действия, так как формирует в общественном сознании господствующих групп подавляющего большинства стран мира представление о лишь единственном пути развития: посредством создания «самоуправляющихся малых сообществ» стремиться к включению в демократические империи. При этом, встраиваясь в «сети имперского размера», новые члены ЕС и НАТО готовы на незначительную роль в этих структурах, сравнимую разве что с влиянием Будапешта, Загреба или Софии на политику стран «оси» в период Второй мировой войны.

Что же касается нашей страны, то, по мнению Бжезинского, Россия уже сделала единственно доступный для нее выбор — включение в западный проект, что в свою очередь стало стратегическим шансом для Запада. Этот выбор «создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше вглубь Евразии. Расширение уз между Западом и Россией открыло путь для проникновения Запада, и в первую очередь Америки, в некогда заповедную зону российского ближнего зарубежья. Но, в конечном счете, у России просто не остается альтернативы, если она желает сберечь ценнейшее из своих территориальных владений. Неисчислимы при-

родные богатства Сибири — вот что сулит России наиболее радужные перспективы, а без западной помощи Россия не может быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над этой землей».

Справедливости ради следует отметить, что писалось это в 2005 году. С тех пор многое изменилось как в самой России, так и в мире в целом. Однако стоит помнить, что от своего «стратегического шанса» американские и транснациональные элиты никогда не откажутся. В частности, в 2012 году ученый и советник по национальной безопасности президента Джими Картера писал, что сотрудничество США с Россией способно «расширить и оздоровить нынешний Запад» и не допустить утраты Америкой своей ведущей роли на мировой арене. Одним из способов установления такого сотрудничества автор книги «Стратегический взгляд» называет «обязательную демократизацию» нашей страны. Достижение такой «демократизации» предполагается за счет включения как можно большего количества россиян в западную систему образования и максимально широкого представления в российских СМИ «западного образа жизни как нормы». Как говорится, без комментариев.

Третий сценарий — это «Гегемонистская стабильность». Согласно Роберту Гилпину, гегемонистская стабильность устанавливается при наличии пяти условий:

- ◆ государство-гегемон должно значительно превосходить все остальные государства в системе по экономическим и военно-стратегическим показателям;

- ◆ гегемоном должно быть либеральное государство, потому что только либеральное государство стремится к гегемонии и может создать от-

крытый и либеральный мировой порядок;

- ◆ среди великих держав должно существовать хотя бы рудиментарное согласие с властью гегемона;
- ◆ гегемон должен быть дальновидным и создавать международные режимы, необходимые для обеспечения глобального благополучия;
- ◆ гегемон должен быть готов приносить в жертву свои краткосрочные интересы ради долгосрочного благополучия всей системы международных отношений.

Очевидно, что приведенная аргументация гегемонии не только вызывает массу вопросов, но фактически оправдывает описанный Джорджем Оруэллом мир, где «все равны, но одни более равны, чем другие». Однако, несмотря на имеющиеся исторические аллюзии и прогрессирующую турбулентность мировой политики, определенную гегемонизмом США, приверженцы этой модели полагают, что злоупотребления властью при гегемонистской стабильности носят ограниченный характер. Поэтому, согласно логике Гилпина, даже если либеральное государство «скатывается к злоупотреблениям, это не страшно».

Четвертый сценарий назовем «Контролируемая нестабильность». Концептуальное оформление концепции ГУ в условиях критичности, хаотизации больших социальных и политических пространств пришлось на конец 1980-х — начало 1990-х годов. Заимствовав ряд положений из работ Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс, исследовавших неравновесные, стремящиеся к хаосу системы в термодинамике, американские политологи обосновали «усиление эксплуатации критичности» и «создание хаоса» во внешнеполитических интересах США. Одним из первых в научный

Один из активных проводников идеи «наднационального управления» – французский экономист и крупный политический деятель Жак Аттали (на карикатуре) – утверждает, что ценности рынка и демократии являются «важнейшим условием гармоничного развития в планетарном масштабе». Он настаивает на необходимости «создания инструментов для реализации принципов глобального суверенитета».

дискурс идею «управляемого хаоса» ввел сотрудник Института Санта-Фе Стивен Манн. Создание хаоса в стратегических интересах заказчика возможно при использовании различных механизмов. Например, через организацию

демократического транзита, осуществление рыночных реформ и приватизацию, в процессе повышения жизненных стандартов у населения и прежде всего у господствующих групп, а также через постепенное вытеснение тради-

Концептуальное оформление концепции глобального управления в условиях критичности, хаотизации больших социальных и политических пространств пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Американские политологи обосновали «усиление эксплуатации критичности» и «создание хаоса» во внешнеполитических интересах США. В научный дискурс было введено понятие «управляемого хаоса».

ционных для конкретного общества ценностей и идейных установок и замещение их неолиберальным контентом. Таким образом, сценарий контролируемой нестабильности подразумевает создание заинтересованными игроками при помощи различных средств за исключением прямых военных действий условий для дестабилизации политической ситуации в кон-

кретной стране. Создание нестабильности может быть как в экономических, так и в геополитических интересах крупных мировых игроков.

Полицентричный мир и новое «дыхание» суверенитета

«Будущее уже наступило». Эти слова, сказанные австрийским футурологом и публицистом

Робертом Юнгом в 1952 году, как нельзя лучше отражают современное состояние. Будущее рождается ежедневно и непосредственно зависит от вчерашних и сегодняшних наших действий или бездействий. Трагические ошибки и просчеты, допущенные за последние 20 лет, не могут не сказаться на будущем российской государственности. Учитывая нынешнее социально-экономическое состояние и геополитическое положение РФ, а также ситуацию в мире в целом, надо признать, что возможен любой негативный для нашей страны сценарий. Однако это вовсе не означает, что нет места альтернативным глобальному управлению проектам. Причем их инициатором может стать именно Россия.

«Полицентричный мир» – так можно назвать проект, альтернативный западным версиям стирания суверенитета. Согласно модели полицентричности, или многополярности (в ее классическом понимании), международные отношения все более тяготеют к плюрализации, сопровождающейся появлением и укреплением новых игроков на мировой арене. Плюрализация международных отношений, как писал Кеннет Уолтц, косвенно свидетельствует об уравнивании их совокупных возможностей. Однако данный процесс невозможен без становления новых центров силы, среди которых Россия как лидер Евразийского союза, Китай, Индия и ряд других стран.

В современном мире, как бы ни старались это скрыть американские аналитики, объективны тенденции размывания господства США. Эти тенденции усиливаются по нескольким причинам. Во-первых, из-за внутренних противоречий, обусловленных надрывом в результате исполнения роли мирового лидера. Во-вторых, вследствие значи-

тельного экономического роста, переживаемого прежде всего азиатскими гигантами — Индией и Китаем, — а шире — всей Восточной Азией. В-третьих, в результате возрождения России и ее конкретных шагов по консолидации геополитического и цивилизационного региона российского влияния — Северной Евразии. Наконец, в-четвертых, что не менее важно, по причине повсеместного усиления недовольства гегемонией Запада, что проявляется в открытом и тайном противодействии его политике.

В последние годы наметился вектор ребалансировки, то есть возврата в новых условиях к многополюсной конфигурации мира, к балансу сил, дававших миру устойчивость. Как отмечают авторы французского журнала «Ле Монд дипломатик», «многополюсность предполагает не только более справедливое международное распределение богатства, но и потрясение основ политических отношений». Международные институты, являющиеся инструментами однополярного мира (прежде всего такие, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, «Большая восьмерка», Европейская комиссия, Европейский банк, НАТО, ведущие рейтинговые агентства и ТНК), будучи проводниками интересов Запада, вынуждены уже сейчас трансформироваться в условиях рождения новых «активных субъектов».

Фактически однополярный мир оказался обреченным в результате действий Соединенных Штатов и их союзников. Их стремление навязать собственные ценности, бескомпромиссное и жесткое продвижение своих интересов приводит к росту напряженности, конфликтности, деструкции, хаосу, причем выходящему из-под контроля его

организаторов.

Многополярность же наоборот формирует консенсусность мировой политики, дает возможность нового проявления, своего рода второго дыхания суверенитета. Наличие нескольких центров силы, сопоставимых по интегральной мощи, позволяет совмещать различные модели развития, а не ломать государства-состояния и перекраивать мир исключительно по западной матрице. Ведь любое решение, учитывающее мнения нескольких участников процесса, всегда лучше, чем принятое по воле и под давлением одного. В рамках полицентричного мира Россия может реализовать свою концепцию мировидения — «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» (Владимир Путин).

Первым этапом институционального воплощения идеи евразийской интеграции в XXI веке стало создание в 2000 году Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Формирование в 2010 году Таможенного союза, в который вошли три наиболее развитые, хотя и разные по типу экономики, страны — Россия, Беларусь и Казахстан — еще один шаг на пути формирования евразийского единства. С 2012 года функционирует Единое экономическое пространство — по сути, общий рынок России, Беларуси и Казахстана. 29 мая 2014 года состоялось подписание договора о создании Евразийского экономического союза, который вступит в силу с 1 января 2015 года.

События на Украине, где при поддержке западных стран сформировался бандеровский режим террора и насилия, следует рассматривать как асим-

метричный ответ противников плюрализации мировой системы, противников возрождения Евразии. Политика двойных стандартов в непризнании волеизъявления жителей Крыма и Севастополя и при оценке карательной операции Киева против мирных граждан юго-востока Украины, различные санкции против России доказали настоятельную необходимость укрепления хозяйственных связей и геополитического единства народов континента-гиганта, важность развития собственных интеграционных проектов. В свою очередь «крымская весна» не только стала закономерной реакцией на деструкцию Украины как способ передела ресурсов и сфер влияния, но и придала новый импульс евразийской интеграции, изменила мир в целом.

Объективные условия диктуют необходимость формирования новых глобальных проектов, в том числе Евразийского союза, ядром которого по целому ряду объективных причин является Россия.

Однако прежде чем стать действительным, реальным стержнем евразийского притяжения, Россия должна превратиться в экономический, финансовый, военно-политический и культурный магнит, который притягивает к себе исторически родственное пространство, а не отталкивает его, как это было еще совсем недавно. Работа над собой для нашей страны оказалась тесным образом связанной с кризисом на Украине, который не только заставил многое переосмыслить, но и требует многое изменить. Начинать надо с формирования совершенно нового подхода к пониманию суверенитета, своей состоятельности и самости, что обязательно должно найти отражение в новой стратегии развития страны.